

Антагонизм науки и культуры съест цивилизацию

С.Е. Кургинян, кандидат физико-математических наук

Я хотел бы обратить внимание на ряд ценностных моментов. Мне скажут: «При чем тут ценности? Мы ведь наукой занимаемся!» Но ведь и в науке все не так просто. Есть там место ценностям или нет — это открытый вопрос. Кроме того, мы ведь не только интеллектуалы. То есть мы не думающие машины, мы люди. В том-то и наша сила, что мы не думающие машины, а люди. А раз мы люди, то у нас есть ценности.

Вот я тему ценностей (не в науке, а, так сказать, «по ту сторону») и хочу затронуть с наибольшей остротой. Но вначале кое-что о науке. В таком, знаете ли, почти анекдотическом ключе.

Для меня специфика науки состоит в том, что она доказывает очевидное. Вот неочевидное доказывают все, а наука доказывает очевидное, и в этом ее специфика. Не я один так думаю. Я говорил в своей жизни со многими крупными математиками, и они все считают, что только там, где начинается интеллектуальная работа по доказательству очевидного, — возникает наука. Это первое короткое научное «апропо».

А теперь второе. Есть наука. Есть еще, как я уже говорил, знание, которое необязательно синонимично науке. А есть — незнание.

Казалось бы, все. А Николай Кузанский пишет трактат «Об ученом незнании». Да и вообще, если есть знание и незнание, т. е. и нечто третье. Например, знание о незнании. Я знаю, что я не знаю. И в этом смысле я уже что-то знаю. Проблема — это знание о незнании. Проблематизация —

это деятельность по познанию очагов и структуры твоего незнания.

И вот теперь я перехожу от науки к ценностям. Я лично знаю (причем наверняка), что я не знаю, отчего распался СССР. У меня есть это знание по поводу своего незнания. А также у меня есть гипотезы, объясняющие распад СССР. Это мои гипотезы. Я, может быть, оформлю их в виде книги, но это все равно гипотезы.

Короче, я двадцать лет занимаюсь причинами распада СССР, и не знаю, отчего он распался. А знают, отчего он распался, двое — Анпилов и Новодворская.

И теперь вдруг оказывается, что не только они. «Как известно, пагубная советская действительность... Тупики советизма и либеральных реформ...» Это штампы. Это не мысль. Но это штампы, задевающие ценности. Мои, например. Я и штампы терпеть не могу, и ценности свои защищаю. Как любой нормальный мыслящий человек.

А главное, как специалист по коммуникациям, я не понимаю, как в этом климате могут создаваться коммуникации. Я поясню. Тут сидят люди с другими ценностями, например, христианскими — в строго религиозном смысле. И я эти ценности уважаю. Я же не буду говорить (даже если бы мне хотелось, а мне не хочется): «Ну, как известно, христианское мракобесие и его квинтэссенция в виде...».

Кто-нибудь так скажет, а другой, для кого христианство — это ценность, встанет и уйдет. И правильно сделает. Потому что он — не думающая машина, а человек. Потому что люди — это существа, обладающие ценностями. А раз они ими обладают, то они их защищают. А раз они их защищают, то у них есть табу. И нельзя задевать эти табу, одновременно предлагая коммуникацию.

Про себя скажу твердо, что участвовать в интеллектуальном диалоге, в ходе которого один из участников говорит: «как известно, этот совковый маразм...», — я не буду.

А главное, даже не понимаю, зачем мне на этом присутствовать. В чем интерес? Если бы была политическая за-

дача — другое дело. Но тут-то речь идет о роскоши интеллектуального общения. Какая же это роскошь, если грубо задевают твои ценности?

Роскоши нет, задачи нет. А что есть? В чем смысл?

«Чужой земли не нужно нам ни пяди, но и своей врагу не отдадим». Чужой «ценностной земли» мне не нужно ни пяди. Но своей я не отдам.

Но даже не это главное. Что такое все эти штампы? Все эти словечки по поводу того, что «как известно...» и т. д.? Это — неявное табуирование любого задания на понимание подлинных процессов, протекавших внутри советской эпохи. Это табуирование возникло на диссидентских кухнях 1970-х годов. А потом кухни превратились в идеологическую кузницу постсоветских элитных кадров. А эти элитные кадры все и «грохнули».

Теперь надо обсуждать интеллектуальные центры... Чьи? Конечно же, чужие. А свое — это, так сказать, «совок». Про который «как известно...» и т. д. Что известно? О чем? О «школе Лукача» что-нибудь известно? О «Комитете по информации»? О разведке Коминтерна? О НИИ ААА? Даже об Институте общественных наук? О «нуклеарных интеллектуальных структурах» ЦК?

Все это копировалось нашими противниками, изучалось, служило предметом ужаса и восхищения. А теперь надо сказать, что это «совковый маразм»! И начать коленапоклоненно исследовать опыт «Рэнд Корпорэйшн», которая, открыв рот, смотрела на наш опыт.

Отвергнем мы свой опыт. Что дальше? Если все это «советский маразм», «совок», то мы-то кто? Это маразм? Тогда мы маразматика в третьем поколении, и нас еще три поколения надо лечить. Какая великая держава, помилуйте!

Скажут: «Как известно, СССР распался из-за... и потому...»

А из-за чего он распался?

У меня есть по этому поводу смелая гипотеза. Он распался из-за глубоких системных патологий элиты. Китай

ведь не распался! И Куба тоже! Значит, не из-за свойств системы он распался и не из-за свойств народа. Он распался по непрозрачным элитным причинам. И по тем же причинам может распасться РФ.

Так нет, причины изучать — слабó! А говорить о маразме — нет! Внутри патологии элиты, из-за которой распался СССР, есть одна такая субпатология. Она состояла в том, что советский интеллектуальный класс все пространство своих возможностей свел к Фронде и Сервису.

Между тем, этот интеллектуальный класс должен был не фигу в кармане держать, не говорить «что изволите?», и не злопахать на государство, а идти к власти именно как класс, забирая эту власть у номенклатуры. Вместо этого он государство «грохнул» и сам все потерял.

А почему так произошло? Потому что номенклатура, этот смутировавший хозяин страны, решила, что прогресс ее не устраивает. Ибо к нему она адаптироваться не может, и рискует в нем потерять власть. А регресс — ее устраивал.

Она этот регресс организовала. Интеллектуальный класс разыграла «втемную». И теперь мы имеем то, что имеем.

Это моя гипотеза. И не более. Просто тема острая. И уж раз кто-то задел ценности, то я должен чем-то ответить. А обсуждать это всерьез здесь невозможно. Да и не нужно.

Завершая ценностный пассаж, я обращаю ваше внимание на еще одно обстоятельство.

Ну, хорошо... Сказали, что сначала идиотический советизм что-то сделал не так... Потом идиотический либерализм что-то сделал не так... Но еще-то раньше есть идиотический монархизм, и он тоже что-то сделал не так, раз развалился. А потом, представьте себе, идиотический консерватизм что-то сделает не так. А потом еще и идиотический национализм.

А что получится-то? Получится, что все время у нас что-то идиотическое.

Оседляет это враг — он что скажет? Что все идиотическое потому, что субъект — идиот. Субъектом же враг назо-

вет народ, который для нас есть, я надеюсь, абсолютная и несомненная ценность. Но если он является таковым, и мы к нему принадлежим — то ведает ли язык тех, кто с такой легкостью оперирует штампами, называя периоды своей истории чем-то очевидно некачественным, что он творит с реальностью? Как программирует будущее?

Ну, вот и хватит по поводу ценностей.

Теперь о науке.

С. Сулакшин разделил на разум и материю.

Не буду обсуждать это деление. Как вы понимаете, оно насквозь советское. Даже не марксистское («и первична материя, и вторично сознание»).

Но я не хочу критиковать чужие схемы. Я хочу их обсуждать.

Я даже оставляю в стороне один спекулятивный вопрос — что есть информация? Как вы знаете, по этому поводу отнюдь не только сумасшедшие много разного говорят. Об отдельной субстанциональной основе, например...

Но это вопрос дискуссионный.

Сохраним предложенную С. Сулакшиным дихотомию. И зададимся вопросом: а как в нее вписывается субдихотомия «разум — эмоция»? Почему это так важно? Давайте займемся мягкой трансформацией слов. «Эмоция»... «чувство»... «страсть»... «социальная страсть»... Идя по таким ступеням, мы, наконец, придем к тому, что называется «общественная энергия».

А это не хухры-мухры! Это и есть большая политика! Каждый даст свое определение того, что такое политика.

Книжная миниатюра
Художник А.И. Калашников

И сошлется на своих авторитетов, благо их «до и больше». Но я дам свое определение (которое, как вы понимаете, тоже отнюдь не только мое).

Политика — это управление энергией общества. Иначе — социальной энергией.

И этим политика отличается от администрирования. Администратор имеет дело с машиной. И ему никакая такая особая энергия не нужна. Или ему кажется, что не нужна. А политик имеет дело с энергией. Она ему не может быть не нужна! Он только о ней должен думать с утра до вечера.

Это его предмет, его страсть, его «все». Он постоянно должен сосредотачиваться на этом вопросе. Каково качество энергии? Ее количество? Как ее оседлать? Как ее не отдать другим?

Почему это так важно при анализе сегодняшней жизни? Я всей душой хотел бы поддержать сегодняшнюю власть по очень многим причинам. И есть многое, что мне в ней симпатично. Но одно меня пугает — и чем дальше, тем больше. Мне начинает казаться (и не без оснований), что вся наша власть, включая верховную, чурается энергии. Причем на принципиальных основах, считая, что вся она «от лукавого».

Это такая новая редакция Победоносцева или Брежнева.

Не я ее выдумал. Вы можете ознакомиться с выступлениями господина Мединского, одного из лучших деятелей «Единой России», как никак, правящей партии. Именно под этим углом зрения господин Мединский хвалит Брежнева и застой.

Но мы-то, надеюсь, понимаем, что застой не бывает. Что существует закон сохранения социальной энергии, как и энергии вообще. Что энергию нельзя уничтожить. Ее можно загнать на глубину, и там она будет постепенно приобретать негативное качество. Когда потом она понадобится (а она обязательно понадобится — не нам, так нашим врагам), ее извлекут, но качество уже не изменят. И тогда она станет деструкцией. Застой породил перестройку и деструкцию! Именно застой! Это первое.

Второе. Отсутствие энергии в теле государства — это как отсутствие циркуляции крови в той или иной части тела. Нет крови — начинается некроз этой части тела. Если энергия перестанет циркулировать, то начнется некроз. Если любовь и страсть перестанут течь по жилам этой государственности, то она умрет. И это будет последний распад России. Может ли быть более актуальная проблема?

А раз она актуальна, то идем дальше. Кто и как эту общественную энергию мобилизует? Ее мобилизуют, как вы все знаете, образы, символы.

Это наука? Нет! Но это гуманитарное знание, без которого нет власти.

Иду дальше. Что формирует стратегические цели? Идеал. А идеал — это научная категория? Нет! Но что вы сделаете без идеала в том, что касается власти?

Итак, власть — это не управление административными машинами. Это управление энергией. Она не механистична, а органична. Она энергоцентрична. И энергийна. А раз так, то ее святая святых — образы и символы. Эти «энергопередатчики и энергоборники», так сказать.

Все это не наука. Это, мягко говоря, культура. Не культурология, нет! Культура! Это живое дело. И очень непростое. Потому что адресуется оно к ядру политической семантики. К духовно-энергетическому, я извиняюсь, ядру!

А у нас-то это все игнорируют. У нас верят в пиар. А что такое пиар как теоретическая категория? Это постструктурализм с его отрицанием подлинности. Лакан вот считает, что подлинности нет. А подлинность считает, что Лакана нет (шучу).

Это как в анекдоте — юноша и девушка, первая брачная ночь, девушка спрашивает юношу: «Скажи, ты меня действительно любишь или это PR?»

Только кто не забыл про 1917 г., тот должен помнить, что девушка-то может быть куда как разъяренная. И пиар тогда пойдет на снос вместе со своими заказчиками. Потому как подлинность нужна! Подлинность!

Предположим, что подлинность эта коренится в культуре. А что такое культура?

Для меня тут важно, как организовано это слово в русском языке. А организовано оно так: «культ» + некая «ура».

То есть культура — это система, имеющая ядро. Иногда говорят о духовном ядре цивилизации. Так вот, в ядре-то культ. А в оболочке, окружающей ядро, — эта самая «ура». Прямой связи между разогретостью ядра и качеством оболочки нет. Когда культ остывает, то поначалу может возникнуть очень богатая культура. Но потом он еще остывает. И тогда она вдруг — бац! — умирает. Вместе с цивилизацией.

Есть у нее такое свойство. И сейчас мы наблюдаем вожделенный для многих Запад именно в подобный момент. Неоконсерваторы решили, что они дозированно возвратят культ в культуру. Не получилось. Антагонизм науки и культуры обязательно съест цивилизацию. Если только сама наука не изменится. Не начнется научно-культурный синтез, очень непростой синтез. Даже обсуждать не буду, насколько непростой.

Все это — мировая повестка дня. И Россия в ней почти не участвует.

К чему это нас адресует политически? Опять-таки, к очень непростым категориям. К так называемому «нематериальному капиталу». Возникают и все активнее используются такие понятия, как «символический капитал», «образный капитал».

Я, что ли, это изобретаю? Вся западная литература этим проникнута.

А это чем чревато? Новым историческим заказом, адресованным к так называемому интеллектуальному классу. А класс-то этот у нас все мечется, как буриданов осел, между Фрондой и Сервисом. Сначала Сервис — и умирание мысли. Потом — Фронда: «Тьфу на власть, и уйдем на кухню!»

Но это — альтернативы старого мира, изношенного донельзя. Мира доминирования материальных активов и по-

рождаемых ими надстроек. Мира, где капитал был почти весь материален.

А теперь мир перестал быть сугубо материален. Центр тяжести сдвигается в нематериальные активы. А вместе с ним сдвигается и тип власти.

В сущности, поздняя советская эпоха требовала-то лишь перехода к постиндустриализму. Был бы взят этот барьер — ничто бы не распалось. Но тогда интеллигенция должна была брать барьер, а не уходить в сторону. А она ушла в сторону. Увели ее в сторону два человека. В одну сторону увел Сахаров, в другую Солженицын. А делалось это все объективно в интересах номенклатуры, т. е. старого класса, прикованного к материальным активам.

Говорят, что история не знает сослагательного наклонения.

Так я не о «если бы», я о будущем.

У нас сейчас постоянно ноют — кто субъект?

И делают вывод, что субъект — это истеблишмент. То есть власть. Это ведь советское заблуждение! Когда твое место рядом с властью определяло все — уровень жизни, саму жизнь, систему материальных и нематериальных возможностей.

Все, что происходит сейчас, адресует уже не к истеблишменту, а к элите.

Субъектом может быть либо элита в условиях стратегического консенсуса, либо... Либо не просто власть, а национальный диктатор. Ленин, Сталин, Хрущев были диктаторами, и в этом смысле субъектами — худшими или лучшими. Брежнев был неовизантийским политиком, фигурой баланса. Дальше все начало развиваться в этой логике. Диктатора нет. Элиты в состоянии стратегического консенсуса — тоже. Это и есть смерть субъекта.

Все, что возможно в нынешней России, — это восстановление стратегического консенсуса элит (тогда субъект — элита). Альтернатива — национальная диктатура (тогда субъект — диктатор). Но если диктатура — то дик-

татура развития, и в полном стратегическом объеме. И даже в этом случае, корень проблемы будет в элите. Ею надо заниматься.

Не потому, что я ее так люблю. Я лично хотел бы жить в нормальном гражданском обществе. И быть его гражданином, а не каким-то там элитарием. Я надеюсь, что мои внуки и будут жить в гражданском обществе. Но — если будет Россия. А для того, чтобы она была, надо решать ее нынешние проблемы, исходя из нынешней реальности. И вызовов будущего. И реальность, и вызовы одинаково требуют того, что связано с подобной повесткой дня.

Старица. Пятницкая церковь.
Художник А.И. Калашников